

В. Тусев

ГОВОРЯЩИЙ ТАЙНИК

ЭКСМО

Москва

2013

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 96

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете художника *В. Остапенко*

Гусев В. Б.

Г 96 Говорящий тайник : повесть / Валерий Гусев. — М. :
Эксмо, 2013. — 160 с. — (Черный котенок).

ISBN 978-5-699-66131-2

Приближается Новый год! Дома пахнет елкой, в школе кипит предпраздничная суета, а братья Димка и Лешка Оболенские снова заняты расследованием. У одноклассницы Лешки, Маринки Серегиной, ограбили квартиру, но пропала только старая кукла. А потом кто-то подсыпал снотворное в чай школьному охраннику и запер дверь актового зала прямо во время репетиции спектакля... Кажется, все эти неприятности происходят вокруг Маринки! Чего же хочет неведомый злоумышленник? Как помешать его планам? Братья твердо намерены разгадать тайну до наступления праздника!

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66131-2

© Гусев В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

«И вот в один прекрасный день...» Я заметил: многие книги так начинаются. И сразу же становится ясно, что этот самый прекрасный день закончится вовсе не так, как хотелось бы и как он обещал.

Наша история в этом смысле исключением не стала.

Сейчас, когда все трудности, опасности и загадки со всеми тайнами остались где-то позади, в прошлом, я стараюсь вспомнить: а с чего это все началось? Снежная королева? Чук и Гек? Жестяная коробочка из-под папирос? Или коварный Карлсон?

Впрочем, началось все очень просто... В один прекрасный день.

...В нашей семье есть традиция. Незадолго до Нового года, когда на балконе уже дожидается своего часа зеленая елка, мы... Нет, мы не ходим в баню и

не летаем в город на Неве. Мы садимся пить чай с мамиными плюшками и смотреть по виду очень старый и очень добрый фильм «Чук и Гек». Этот фильм — он настоящий новогодний. В нем — далекое путешествие и смешные приключения, волшебный зимний лес и добрый Дед Мороз в виде сурового сторожа, пушистая таежница-елка. В нем вообще много хорошего и полезного. Например, он не советует детям врать и выбрасывать в окно важные телеграммы.

Алешка больше всех нас любит этот фильм и рассказ Аркадия Гайдара, по сюжету которого он сделан. Ему очень нравятся шустрые братья. Наверное, потому, что он и сам такой же шkodник. Правда, телеграммы он в окно не выбрасывал, но и на его счету много таких «подвигов», что мало никому не показалось. Но я не буду сейчас об этом вспоминать. Тем более что не раз уже об этом рассказывал.

...И вот, в один прекрасный день, когда за окном в синем небе запорхал белый снег, мы досмотрели фильм и доели плюшки. Мама собрала посуду и отнесла ее на кухню. Папа ушел в свой кабинет звонить на работу, а Лешка придвинулся ко мне и задумчиво прошептал:

— Дим, а может, она до сих пор так и лежит под снегом?

— Кто? — удивился я.

— Ну, эта коробочка, с телеграммой.

Я попробовал его убедить:

— Леш, во-первых, это рассказ. А во-вторых, подумай, столько лет прошло, и никто эту коробочку до сих пор не нашел.

— Потому что никто не искал.

Ну вот и спорь с ним. Больше я не стал ему ничего объяснять, а только хмыкнул. И очень жаль. Если бы я кое-что объяснил Алешке, наша жизнь пошла бы другим путем. Ну, не совсем другим, а просто обошла бы сторонкой такие приключения, которых лучше бы и не надо. Это как раз тот случай, когда из-за неразумной мелочи получаются большие проблемы...

ГЛАВА I

БЕЗ ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Это зимнее утро было очень хорошее. Не школьное такое. Субботнее. И солнечное. За окном, пригравшись на тополе, чирикали воробьи. На подоконнике, снаружи, лежал и посверкивал еще чистый снег. Между деревьями синело небо. И никто в нашей дружной семье еще не знал, что в это хорошее солнечное утро начали возникать нехорошие мрачные события. Они отдаляли нас от спокойных семейных и школьных берегов и увлекали в неизвестную и опасную даль.

Сами по себе всякие события — я давно уже это знаю — не возникают. Они где-то таятся, дремлют и ждут. А потом кто-то дает им толчок под какое-нибудь место. И вот — нате вам — зашевелились события, стали развиваться, не остановить.

Толчок неожиданным событиям в нашей дружной семье обычно дает Алешка, мой младший неугомонный брат. Он человек хоть и юный, но очень многосторонний. С одной стороны, он деловой и практичный. Если уж за что-нибудь взялся, то обя-

зательно своего добьется. Он мог построить самолет и полетать на нем. Мог, если очень надо, угнать пассажирский состав, а заодно и подъемный кран. Мог отыскать клад и избавить старинный замок от привидений. А с другой стороны, Лешка наивный и романтичный. Он до сих пор верит, что грибной дождь — это когда грибы сыплются с неба. А однажды, когда он еще ходил в детский сад, принес домой целый карман мелких камешков и похвалился: «Это мой кусочек дороги». Кстати, эти камешки до сих пор хранятся у него в столе, в коробочке от плавленого сыра «Виола». С еще одной стороны, Лешка очень доверчивый, как и всякий третьеклассник. А с еще другой стороны, он ничего не принимает на веру без проверки. Алешка, например, не согласен, что наша Земля — круглая. (Я, признаться, хоть и дошел успешно до девятого класса, тоже не очень-то в это верю.) Но Алешка не верит и в то, что Земля стоит, по мнению древних мудрецов, на трех китах.

— Представляешь, Дим, — возмущается он, — сколько этим китам жрачки надо? И кто их там кормит? Они же не в зоопарке! Но, воше, Дим, мне больше нравится, что на китах. А не вертится она среди космоса одна-одинешенька. Даже ее немного жалко, скажи, Дим? С китами хоть поговорить можно. Стоят они себе и улыбаются своими большими китовыми зубами. — Ну а дальше он понес полную несуразицу: — А как, Дим, они ударят хвостами — сразу Земля вздрагивает и начинается землетрясение. — Он до сих пор говорит «землетрясение». — А как свои фонтаны выпустят, так нахлынет наводнение. Вздохнут погромче — ураган получается. — И пошло-поехало. Такая вот у него логика.

Папа как-то сказал, что логика бывает разная: нормальная, женская, мамина. А особая — это Алешкина логика.

Впрочем, скажу наперед, что самая нелепая Лешкина логика порой оправдывается так сильно, что лучше бы он ошибся. Скоро вы в этом убедитесь.

При всей своей недоверчивости к бесспорным фактам, Алешка твердо верит печатному слову. Не газетному вранью, конечно, а книгам хороших авторов. Впрочем, плохих он не читает. Один раз попробовал почитать детектив одной знаменитой авторши, которая пишет по двадцать романов в год, — и тут же отложил книгу.

— Дим, что-то я не понял. Она написала: «Марк хлопнул дверцей и уехал на глазах соседей». Я подумал, что он на машине уехал, а он, оказывается, уехал на глазах соседей. — И невинно похлопал своими синими хитрыми глазами.

Он прав, конечно. И наш Бонифаций (учитель литературы) тоже говорит, что если автор небрежен в деталях, то ему нельзя верить и в главном. Я тоже как-то попробовал читать одного детективщика и сразу обалдел. «Он проснулся и впрыгнул в сапоги». Круто, да? Мальчик-с-пальчик какой-то. А еще он написал, что «Фортуна повернулась к нему лицом, чтобы показать свой зад». Я бы на месте этой Фортуны на него обиделся.

Вот и верь таким писателям. Но вот с очередных «верить — не верить» и началась эта опасная история. Давно известно, что необычные события начинаются с самых обычных дел...

Напомню: в один прекрасный зимний день мы сидели на кухне и мешали нашей маме готовить обед.

Когда мама готовит, она слушает нас вполуха, смотрит вполглаза и говорит невпопад. Она вся в кастрюлях и в сковородках, она вся на плите и в духовке, а тут еще и Алешка со своими неожиданными и нелепыми вопросами. Которые у него тоже возникают от задумчивости.

— Это кто? — задумчиво спрашивает он.

Хороший вопрос, да?

— Где? — уточняет мама, пробуя на вкус горячую воду из кастрюли.

— В школе.

— Откуда я знаю? — Мама смахивает с разделочной доски в кипящую воду нарезанную капусту, помещивает, принюхивается, опять пробует, задумчиво хмурится.

Неплохо поговорили, да?

— А это что будет? — опять спрашивает Алешка.

— Наверное, это будет борщ. — Мама переворачивает на трещащей сковороде котлеты. — Не толпись под ногами.

Тут она права. Когда Алешка рядом, то кажется, что Алешек целая стая. И все они одновременно щебечут и тусуются. И толпятся под ногами.

— Тетя Зина, — ябедничает с удовольствием Алешка, — говорила другой соседке, что у тебя борщи и котлеты получаются лучше, чем твои дети.

Тетя Зина все время завидует нашей маме. Она хочет стать такой же красивой и так же хорошо готовить.

— Откуда ей знать? — задумчиво удивляется мама. — Детей у нее нет, борщ она никогда не варит... А если...

Но Алешка не дает маме развить ее мысли. Он уже, как воробей, перескочил на другую ветку.

Говорящий тайник

— Мам, а кто такой Непруха?

— Непруха? — мама осторожно сняла губами с ложки кусочек разваренной капусты, попробовала, покивала сама себе, окунула ложку обратно в кастрюлю. — Непруха? Плохо помню. По-моему, это какой-то древний поэт. Не то украинский, не то белорусский. Или художник. Кажется, польский. А тебе зачем?

— У нас, мам, в школе новый учитель возник. Его в Димкином классе Непрухой прозвали.

— Это другое дело, — терпеливо ответила мама, снова переворачивая зарумянившиеся котлеты. — Тогда это не белорусский композитор. И не польский поэт. Непруха — это невезучий человек. У которого бутерброд всегда падает на пол маслом вниз.

— А у него, мам, бутерброд всегда падает маслом на брюки.

— На чужие? — мама выключает газ и вытирает руки.

— А я знаю?

— Большая разница.

— Конечно. На чужие лучше.

— Смотря на чьи. У тебя все?

— А в нашем классе новенькая.

— Симпатичная? Или тоже Непруха?

— Еще не знаю. Зато говорит смешно. «Дорлога. Урлок. Дурлак».

— Дурлак это кто?

Алешка кивает:

— Лефка.

— Я так и знала. Обижал? Передразнивал?

— Еще чего! Я за нее заступился. Это Диакеза ее дразнил. Ворлоной назвал. А я ему зато в компот чихнул.

Диакеза тоже в нашем доме живет и с Алешкой в одном классе учится. Когда он был маленьким и вредным, то очень гордился какой-то своей загадочной болезнью. «У меня — диакеза», — хвалился. Все ему сочувствовали, и никто не догадывался, что это просто диатез, прыщики по телу. Так он вредной Диакезой и остался. И отец у него такой же вредный. Он бизнесмен. Жулик, говорят про него наши пенсионерки. И прозвали его Скарлатиной. Потому что он никогда не здоровается, всегда свой джип на газон ставит и старается проехать по луже так, чтобы обязательно кого-нибудь обрызгать грязной водой. В общем, Скарлатина. Вот только я не знаю, как ихнюю маму прозвали. Корью, что ли? Мы ее ни разу не видели — она все время «фитнес принимает».

— Лефка дурлак! — возмутилась мама. — Подрались?

— Нет. Он мне тоже в компот плюнул — и все! Мам, а знаешь, у этой Маринки какая фамилия? — И Алешка выпалил то, с чего все и началось: — Серегина!

— Ну и что?

— Не помнишь? — изумился Алешка. — Ты Серегина не помнишь? «Жил человек в лесу, возле Синих гор». — Это он процитировал первую фразу из фильма и из рассказа «Чук и Гек».

Но мама не обратила на это никакого внимания. И напрасно. Если бы обратила — многого можно было избежать, всяких опасностей и волнений. Мама отлила из кастрюли в другую кастрюльку свой свежесваренный борщ и сказала:

— Отнесите дяде Федору.

Это мы с удовольствием.

Дядя Федор — наш любимый сосед. Не то что тети Зина. Он очень добрый человек. И немного одинокий. Родственников у него нет. Кроме белой собачки и черного кота. Кота почему-то он зовет Шариком, а собачку Мурзиком. Он подобрал их на помойке.

Мы любим носить дяде Федору мамин борщ и котлеты. Не знаю, догадывается она или нет, что дядя Федор честно делит обед на троих — как не поделиться с друзьями такой вкуснотой, говорит он при этом.

Вообще, дядя Федор — он не дядя Федор. Никто не знает, как его по-настоящему зовут. Дядей Федором его в нашем дворе прозвали. Во-первых, потому что он очень добрый, а во-вторых, потому что круглый год ходит в зимней шапке. Одно ухо у нее висит, а другое торчит — со стороны очень похоже на симпатичного Шарика. Но Шариком его никто не называл. Дядя Федор был отличный автомеханик и никогда не проходил мимо, если у кого-нибудь из нашего дома вдруг не заводилась машина. Однажды, когда он помогал еще одному нашему соседу и они оба согнулись над капотом, мимо проходил отец Диакезы и презрительно бросил:

— Посторонись, Шарик!

Наш другой сосед — он артист цирка и швыряется там здоровенными гирями — выпрямился во всю свою высоту и ширину и грозно сказал:

— Какой он тебе Шарик? Ты на себя давно в зеркало смотрел? Скарлатина!

Скарлатина промолчал (или промолчала?) и впредь тоже помалкивал.

...Дядя Федор разлил борщ в три миски и похвалил:

— Знатный борщец! В нашем микрорайоне никто такой не варит.

Нам было приятно. Особенно Алешке. Они с дядей Федором большие друзья. И чем-то похожи друг

на друга. Вот наш Алешка до сих пор путает числа месяца и дни недели. Спросишь:

- Алеш, какое сегодня число?
- Четверг. Или октябрь.
- А день недели?
- Двадцатое.

Он иногда даже имена и фамилии местами путает, даже свои. Спросят его:

- Как тебя зовут?
- Оболенский.
- А фамилия?
- Алексей.

А у дяди Федора другая странность.

Спросишь:

- Когда вы придете?
- Без двадцать восемь.
- А который час?
- Без пятнадцать пять.

И я не очень удивился, когда дядя Федор доел борщ и помыл кастрюльку, а Лешка спросил его:

- А можно я с вами покатаюсь?
- А то!

ГЛАВА II

БЕЗГОЛОВЫЙ ТАРАКАН

Дядя Федор теперь пенсионер и подрабатывает на своей старенькой машине. Как таксист. И пассажиры у него тоже, как правило, пенсионеры. Они справедливо полагают, что такая поездка будет им по карману. Не будет же пенсионер драть с пенсионера.